

Ло Си, будучи первым учеником Даоиня и самым молодым старейшиной Куньлуня, не достигнув и двадцати, уже вошел на стадию Зарождающейся Души. В последние годы он стал самой яркой звездой среди последователей бессмертных путей, и многие не сомневались, что именно он примет бразды правления орденом. Поэтому весть о гибели Ло Си молниеносно облетела все кланы.

Мир заклинателей замер, ожидая реакции Куньлуня. За последние годы орден перенес немало ударов, потеряв множество талантливых учеников. Новое поколение не блистало именами, и Ло Си был их единственной надеждой. Теперь же, когда Куньлунь закрыл свои горы от мира, город Небесного Озера Чанбай начал постепенно теснить былых лидеров, стремясь занять место главы всех праведных сект.

Лэн Ушуан получил послание от отца: тот приказывал ему немедленно вернуться. Лишь немногие знали о тайной попытке Хань Цзинцина спасти Фэн Юэ, но со смертью старейшины Цанляня, Ло Си, он лишился своей главной опоры. Несмотря на помощь принца Ляня из Столицы оборотней, Хань Цзинцин понимал, что шанс упущен. Внезапный отъезд Лэн Ушуана добавил Владыке немало головной боли.

Мо Ханьчи, разумеется, не входил в число тех, на ком держалась спасательная операция. Хань Цзинцин едва запомнил его имя лишь из-за той неистовой реакции, которую юноша проявил после гибели Ло Си. Только тогда он узнал, что у Фэн Юэ есть такой младший брат.

Лэн Ушуан, связанный с Ло Си крепкой дружбой, глубоко скорбел о его утрате. Он не разделял радости своего отца, видевшего в этом политическую выгоду. Пользуясь случаем, город Небесного Озера Чанбай поглотил несколько мелких окрестных школ, но такие дела не входили в сферу влияния Хань Цзинцина.

Гибель Ло Си разбила сердца бесчисленному множеству заклинательниц. И речь не только об ученицах Куньлуня, которые тайно вздыхали по нему и мечтали стать его спутницами на пути совершенствования. Даже те, кто никогда не видел Ло Си вживую, пролили реки слез, в отчаянии изорвав в клочья не один шелковый платок. И, как это всегда бывает, на костях героя расцвели сплетни. Смерть лишь подогрела интерес любительниц пересудов, и слухи о том, что у Ло Си была тайная любовь, разлетелись по свету. Гадали долго, пока подозрения не пали на Су Цзии. Имени Мо Ханьчи в этих разговорах не прозвучало вовсе.

Сам Мо Ханьчи был бесконечно далек от этих суетных мыслей. В тот день, потеряв над собой контроль, он затеял драку со своими же, за что Хань Цзинцин наказал его, приказав пребывать в затворе. Теперь он целыми днями лежал на кровати, отрешенно глядя в пустоту. Бай У не отходил от него ни на шаг. Самым безутешным в этой трагедии был не старый друг и не толпы плачущих дев, а этот юноша, который, казалось, окончательно потерял связь с реальностью.

«Почему Ло Си ушел так внезапно? Почему покинул его в самый ответственный момент? Неужели от того, кто не пережил великое бедствие, действительно ничего не остается? Где же

его тело?..»

Эти мысли бесконечным кругом вращались в его голове. Мо Ханьчи не смыкал глаз, и его глаза сильно покраснели от лопнувших сосудов. Он смотрел в окно на далекое небо. Бай У обнимал его за шею своей маленькой пухлой ручкой, но Мо Ханьчи ничего не чувствовал. Перед отъездом Лэн Ушуан строго наказал Циляню всегда держать окно открытым.

Вдруг Бай У ощутил легкий толчок. Мо Ханьчи шевельнул губами, и послышался хриплый, мертвенно-спокойный голос:

— Ло Си, я хочу пить.

Бай У моргнул, и в его темно-красных глазах снова заблестели слезы. Он поспешно применил к себе простое заклинание, и его глаза мгновенно стали угольно-черными.

— Я принесу, — ответил он детским голоском.

Разомкнув объятия, малыш спрыгнул с кровати и потянулся за чайником, но тот оказался пуст. Понурился, Бай У прошептал:

— Подожди немного, я схожу за водой.

Мо Ханьчи проводил маленькую фигурку взглядом и, когда дверь закрылась, устало закрыл глаза.

— Бахуан, — позвал он.

Тяжелый меч, лежавший на столе, со свистом взлетел и замер перед хозяином. Касаясь холодного металла, Мо Ханьчи невольно вспомнил тот день в Башне Магических Сокровищ. Если бы Ло Си не спас его тогда, если бы не принял на себя всю тяжесть этого клинка, он погиб бы еще в стенах башни. Бахуан сопровождал его все эти годы, помогая истреблять демонов и не раз вырывая из когтей смерти.

— Вместе и в жизни, и в смерти, — тихо произнес Мо Ханьчи с улыбкой облегчения.

Острое лезвие Бахуана легко вошло в шею хозяина. Темная струйка крови скользнула по клинку, обожгла ладонь своим теплом и сорвалась вниз. Кровь начала собираться на холодном полу, медленно расплываясь багровым пятном.

Бай У был уже на кухне, когда острая боль пронзила его шею. Предчувствие беды ледяной волной накрыло его. Чайник выскользнул из рук и разлетелся вдребезги. Забыв о магии, малыш со всех ног бросился обратно. Еще не пробежав до двери, он почувствовал тяжелый,

приторный запах крови.

Дверь была плотно закрыта. Возле нее, придерживая округлившийся живот, стояла жена Цинь Синчжи, Су Вань. Она выглядела встревоженной, она прижимала к носу платок. Увидев Бай У, она торопливо проговорила:

— Я не могу войти туда в моем положении. Скорее, посмотри, что там!

Бай У сжал кулачки. Он потерял отца в раннем детстве и все эти годы считал Мо Ханьчи самым близким существом в мире. Смерть Ло Си он оплакал и спрятал в памяти, но Мо Ханьчи... это было совсем другое. Он ждал, что юноша устроит погром или будет рыдать навзрыд, но Мо Ханьчи было слишком больно. Настолько, что он забыл, как плакать. Он просто отказался верить в гибель Ло Си. Все эти дни он не прикоснулся ни к воде, ни к еде, ни к лекарствам. Даже глаз не смыкал. Бай У на миг показалось, что ему стало лучше, но стоило отлучиться за водой, как случилось непоправимое.

Маленький Бай У уже научился терпеть. Он толкнул дверь. В комнате, против света, стояли несколько человек, их лиц было не разобрать. Они обступили кровать, закрывая собой раненого. Полог кровати пропитался кровью, став алым, как и видневшийся край одеяла. Бай У почувствовал под ногами что-то вязкое — весь пол был залит кровью. Бахуан лежал на полу, и на его лезвии кровь уже начала запекаться.

Если заклинатель сам отказывается от жизни, не направляет внутреннюю силу на исцеление и не закрывает раны, он истечет кровью и умрет так же, как простой смертный.

Ланьюэ выглядел мрачным. Он сделал едва заметный жест, и кровь в комнате начала постепенно исчезать, очищенная магией. Бай У бросился к постели. Мо Ханьчи был бледен как полотно, дыхание его едва угадывалось. Сердце мальчика ушло в пятки.

Цинь Синчжи только что вложил в уста Мо Ханьчи пилюлю. Заметив крайнее отчаяние ребенка, он негромко произнес:

— Всё в порядке, опасность миновала. Я обещал старейшине Цанланю вылечить его, и я сдержу слово.

Он не стал вдаваться в подробности.

Хань Цзинцин, убедившись, что Мо Ханьчи ничего не угрожает, обратился к присутствующим:

— Заместитель главы Цинь, останьтесь здесь с супругой и присмотрите за господином Мо. Фэн Юэ не может ждать ни минуты. Я и четыре главы залов отправимся в Столицу оборотней первыми и будем ждать вас там.

Чувствуя себя должником Ло Си, Цинь Синчжи внимательно осматривал раненого. Давая ему пилюлю, он заметил в теле юноши следы странного яда.

Вернее, это был не совсем яд, а мириады крошечных магических существ. В отличие от оборотней или духов, у них не было разума; это были порождения чистой демонической энергии, искусственно созданные твари. Они сновали по меридианам Мо Ханьчи, разрушая его истинную сущность и не давая телу исцеляться.

Глядя на этих тварей, Цинь Синчжи невольно почувствовал уважение к юноше. В этом мире лишь представители Клана Гулао владели искусством создания таких паразитов, способных разрушить каналы ци изнутри. Клан Гулао считался стертым с лица земли еще двадцать лет назад, после той великой войны, когда их Магистр обратился в прах. Оказалось, они вернулись.

— Этот юноша три года носил в себе насекомых Клана Гулао, — констатировал Цинь Синчжи.
— И по иронии судьбы их единственным заклятым врагом является Клан Снежного Лотоса Тяньшань.

Он самодовольно усмехнулся.

— Я выведу яд из господина Мо. Прошу всех оставить нас.

Когда за последним посетителем закрылась дверь, Цинь Синчжи извлек несколько серебряных игл, мерцающих лазурным светом. Они послушно выстроились в ряд перед ним. Он приподнял Мо Ханьчи и, направив внутреннюю энергию, заставил иглы войти в ключевые точки на теле юноши. Лазурное сияние заструилось под кожей, проникая в меридианы. Цинь Синчжи скрестил руки, и в воздухе возникли три золотые Ледяные Божественные Иглы. Он вонзил их в макушку раненого. Мо Ханьчи, словно почувствовав что-то, едва заметно нахмурился.

Бай У ждал за дверью. В какой-то момент из комнаты вырвалось ослепительное сияние, которое через мгновение бесследно растаяло.

Цинь Синчжи распахнул двери и вышел широким шагом. Сначала он нежно улыбнулся жене, а затем обратился к Ланьюэ и Бай У:

— Всё кончено. Когда он очнется, передайте ему: кто-то отдал жизнь и провалил свое великое испытание только ради того, чтобы спасти его.

Ланьюэ недовольно поджал губы, явно считая, что Ло Си принес слишком большую жертву. Он не чувствовал печали. Ланьюэ провел рядом с Ло Си пять лет на пике Малой Лазурной Волны; хотя старейшина Даочжэнь не слишком баловал его вниманием, именно Ло Си перед своим затвором передал ему технику основ Куньлуня. Благодаря этому Ланьюэ достиг начальной стадии Закладки Фундамента. Он верил, что такой могущественный человек, как Ло Си, обязательно выживет, и никак не мог взять в толк: почему он рискнул всем — даже своей жизнью — ради этого никчемного мусора?

Вспоминая слова Цинь Синчжи, Ланьюэ почувствовал глухую неприязнь к Мо Ханьчи.

Маленькому Бай У по возрасту полагалось много спать, чтобы расти здоровым. Но, боясь, что Мо Ханьчи очнется и снова причинит себе вред, он не смыкал глаз. Так он просидел у его постели пять дней и пять ночей.

<http://bllate.org/book/17550/1719741>